

конкретных вещах общее «умирает». В комментариях к Порфирию, сделанных Боэцием вслед за Марием Викторином, он предположил, что роды и виды существуют прежде индивидуальных вещей не только в процессе мышления, но, возможно, и онтологически. Логико-терминологическая направленность определяет и характер теологических трактатов Боэция.

Флавий Кассиодор – министр и советник остготских королей, рассматривая, какой характер носит связь между божественной истиной, которую он отождествляет с божественным красноречием (*divina eloquentia*), писал: «Святейшая основа Божественного Писания и человеческого красноречия одна и та же». Мир, творение для Кассиодора есть «*litteratura*», т.е. то, что создано из слов и букв, как мы сказали бы теперь – мир есть текст. Такой подход отразился также и в «Вариях», в которых Кассиодор не столько отражает реальность, сколько творит свой мир с помощью слова и типовых риторических приемов.

Его последователем в этом направлении был Исидор Севильский, епископ и «последний античный филолог», у которого реальный мир получает свое инобытие в стихии слова, переливается в текст. Исидор Севильский «парит» в пространстве словесных подобий мира и вещей, становящихся реалиями мира культуры с его особыми закономерностями, связями и способами выражений, в котором все рассчитано на то, чтобы человека, способного подняться до высшей истины, но в то же время постоянно готового оступиться, поддерживали не столько «крылья ангелов», сколько могущество слова, выступающего в различных своих ипостасях – от самой высокой и общей до предельно утилитарной.

Вместе с тем для его «Этимологий» характерна впечатляющая краткость стиля. Мир «Этимологий» Исидора Севильского внутренне целостен и организован, несмотря на пестроту упомянутого. В нем запечатлен порядок универсума, в котором слово придает должное место каждой сущности. «Этимологии» – это энциклопедия не столько мира реального, сколько мира, сконструированного умозрительно.

При переходе от античности к средневековью произошла трансформация философско-богословского мышления; античные основания были облачены в жесткую логизированную форму. Создаваемый этим преображенным мышлением мир обрел права подлинной реальности и начал развиваться по собственным законам.

В заключение торжественного заседания присутствующие поблагодарили коллектив журнала «Вестник древней истории» за плодотворную работу на протяжении многих десятилетий и выступивших ученых за интереснейшие доклады. Были зачитаны приветствия от университетов России и учреждений Российской Академии наук и зарубежных научных центров, в них отмечался высокий научный уровень журнала, который глубоко и плодотворно освещает достижения отечественной мировой науки о древнем мире.

С.Ю. Сапрыкин

© 2008 г.

ДЕВЯТЫЕ ЖЕБЕЛЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (31 октября – 2 ноября 2007 г.)

31 октября – 2 ноября 2007 г. на историческом факультете Санкт-Петербургского университета состоялись «Девятые Жебелёвские чтения», организованные кафедрой истории древней Греции и Рима и Центром антиковедения СПбГУ. Эти, ставшие уже традиционными, очередные «Чтения» были посвящены 140-летию со дня рождения профессора Санкт-Петербургского университета Сергея Александровича Жебелёва (1867–1941 гг.). В конференции приняли участие антиковеды Петербурга, Москвы, Архангельска, Великого Новгорода, Вологды, Гатчины, Иваново, Нижнего Новгорода, Одессы, Самары, Саратова, Сыктывкара, Харькова, Ярославля и Хельсинки. Было прослушано и обсуждено 54 доклада.

Конференцию открыл декан исторического факультета профессор А.Ю. Дворниченко, который в своем вступительном слове отметил особое место науки об античности в структуре современного исторического знания и высоко оценил проводимые на факультете Жебелёвские чтения. Первое пленарное заседание 31 октября 2007 г. было посвящено проблемам историо-

графии и источниковедения античной истории и включало пять докладов. С докладом «С.А. Жебелёв – архетип петербургского антиковедения (к 140-летию со дня рождения)» выступил проф. Э.Д. Фролов. обстоятельно охарактеризовав жизненный путь, научную и педагогическую деятельность С.А. Жебелёва, докладчик особо подчеркнул его роль в сохранении научного преемства в тяжкие годы постреволюционной ломки, постигшей нашу науку. Благодаря Жебелёву традиции петербургской историко-филологической школы, сложившейся на рубеже XIX–XX вв., продолжились и – в новой форме и с новыми акцентами – получили дальнейшее плодотворное развитие в деятельности ленинградской/петербургской кафедры античной истории.

Последующие выступления продолжили обсуждение вопросов историографии и источниковедения античной истории. Е.Б. Соснина (Иваново) в докладе «Итальянский историк-эпиграфист Ариоданте Фабретти: история его переписки с профессором И.В. Цветаевым» указала, что А. Фабретти, жизнь которого отражает сложные и противоречивые события времени борьбы за объединение Италии, был не только авторитетным ученым – историком, археологом, филологом-классиком, но и выдающимся политическим и общественным деятелем Рисорджименто. Переписка с А. Фабретти, которая теперь хранится в перуджийской библиотеке «Augusta» и ОР ГМИИ им. А.С. Пушкина, была начата И.В. Цветаевым в ноябре 1875 г. и, хотя и не носила постоянного характера, продолжалась в течение 10 лет. Вводя в научный оборот материалы этой переписки, Е.Б. Соснина отмечает, что И.В. Цветаев в своих многочисленных лингвистических работах 1877–1887 годов, посвященных итальянским надписям, постоянно ссылается на труды А. Фабретти, порой не только соглашаясь, но и споря с его выводами. С.Г. Карпюк (Москва) в докладе «Источник в электронную эру: «естественные» и «искусственные» списки имен в классических Афинах» рассмотрел вопрос о влиянии электронных тезаурусов на направленность современных исследований в области антиковедения. Автор сопоставил методы работы с базами данных с методикой работы со сборниками фрагментов и реконструированными перечнями должностных лиц и подчеркнул необходимость обоснования выбора – в каких именно случаях лучше использовать возможности, предоставляемые нам электронным веком, а в каких – «старые добрые», никем не опровергнутые, классические методы работы с источниками. В любом случае, по мнению автора, этот выбор должен быть осознанным, и о нем должны быть поставлены в известность другие исследователи.

Доклад на тему «Plut. Mor. 785 b 5–6: критические замечания о достоверности Софокловой оды Геродоту» представил А.А. Синицын (Саратов). Как отметил автор, в качестве основного довода о дружбе Софокла и «отца истории» обычно называют фрагмент Софокловой оды Геродоту, цитируемый Плутархом (An seni respublica gerenda sit. 785 b 5–6). Однако, по мнению А.А. Синицына, этот источник вызывает большие сомнения, во-первых, по причине несоответствия содержания цитируемого полторастишия контексту сочинения Плутарха; во-вторых, никак нельзя быть уверенным в том, что ода была посвящена Геродоту-историку, а не какому-либо другому Геродоту; в-третьих, невозможно один лишь факт сочинения подобных стихов считать признаком дружбы. Таким образом, докладчик пришел к выводу, что эта ссылка у Плутарха является поздней и неудачной интерполяцией в тексте херонейского писателя. Пленарное заседание завершилось докладом О.Ю. Климова (Санкт-Петербург) «Эллинистические истоки романа Харитона “Повесть о Херее и Каллирое”». Автор доклада отметил, что предметом продолжающихся дискуссий, связанных с этим романом, является, во-первых, вопрос о времени создания этого произведения (его датируют от I в. до н.э. до II в. н.э.) и, во-вторых, определение той исторической эпохи, реалии которой легли в основу романа. О.Ю. Климов показал противоречивую картину смещения исторических пластов и смещения разновременных реалий в романе Харитона. Рассматривая историко-географические, политические, этно-культурные реалии, на которых построено это произведение, автор заключил, что независимо от того, в какое время был написан роман, он был основан на реалиях прежде всего эллинистической эпохи.

Во второй половине дня работали секционные заседания. На первом заседании секции по истории древней Греции, посвященном преимущественно проблемам греческой архаики (председатель – С.Г. Карпюк), были обсуждены шесть докладов. Доклад Л.А. Пальцевой (Санкт-Петербург) «Коллегия эфетов в архаических Афинах» был посвящен одному из важных институтов судебной власти ранних Афин. Докладчик рассматривает вызвавшие разногласия в научной литературе вопросы о времени появления коллегии эфетов, о характере их деятельности и объеме полномочий до проведения реформ Солона. В докладе было отмечено, что появление коллегии эфетов привело к изменению структуры судебной власти, сложившейся в древнейшие времена, и в определенном смысле проложило путь к дальнейшим реформам в сфере суда, в частности, к созданию гелиэи в начале VI в. до н.э. В докладе «Сокровищницы Дельфийского

святилища: религия и политика» *О.В. Кулишова* (Санкт-Петербург) обратилась к проблеме роли и значения посвященных даров в общегреческие святилища – к теме, которая в последние десятилетия активно изучается на основе междисциплинарных исследований, социологических подходов, в контексте культурной антропологии. В центре внимания автора были, прежде всего, свидетельства о наиболее ранних сокровищницах в Дельфах, сооружение которых относилось к архаической эпохе. На основании комплексного анализа источников различного типа (литературной традиции, археологических и эпиграфических данных) *О.В. Кулишова* показала, что сокровищницы в Дельфах были не только хранилищами посвящаемых ценностей и, таким образом, занимали важное место в системе отношений человеческого сообщества с миром богов, но и играли важную роль в самоидентификации греческих общин, имели своеобразные представительские функции, были действенным средством демонстрации богатства и могущества, а следовательно, и орудием политической пропаганды.

В.И. Шубин (Архангельск) сделал доклад на тему «Гомеровская традиция в колонизационной практике архаической эпохи». По его мнению, колонизация отдаленных территорий, расположенных по побережьям Средиземного и Черного морей, была технически осуществимой только при условии, что греческое общество к ее началу обладало минимальным опытом организации далеких заморских экспедиций. В этом контексте *В.И. Шубин* в своем докладе сопоставил некоторые гомеровские реалии с данными позднейшей исторической традиции об основании Кирены, содержащимися в киренской «Клятве основателей» и в IV книге «Истории» Геродота. В результате автор заключил, что такие важные элементы архаической колонизационной практики, как порядок формирования отряда колонистов и его структура, имеют прочные гомеровские корни. *Н.А. Шергина* (Санкт-Петербург) посвятила свой доклад «К вопросу о династии тиранов на Самосе» одной из наиболее дискуссионных проблем в истории архаической Ионии. На основании прямых и косвенных свидетельств античных авторов, данных эпиграфики и археологии в докладе была сделана попытка реконструкции родственных связей знаменитого тирана Поликрата. Критически оценив имеющиеся в современной как российской, так и зарубежной историографии точки зрения по данному вопросу, *Н.А. Шергина* пришла к заключению, что Поликрат принадлежал правящей на Самосе династии, представители которой владели островом в период с VI до первой четверти V в. до н.э., т.е. как до, так и после правления знаменитого тирана.

Тема доклада *В.В. Шувалова* (Гатчина) – «Борьба Афин за черноморские проливы в архаический период». К концу VII в. до н.э. Атика уже начала ощущать необходимость в импорте хлеба, который дешевле всего было получать из Причерноморья. Поэтому начиная с этого времени борьба за черноморские проливы стала одной из важнейших внешнеполитических задач Афинского государства. Как отметил автор, к середине VI в. до н.э. она была практически решена, но захват персами обоих берегов Геллеспонта в 493 г. до н.э. создал серьезнейшую угрозу как национальной безопасности Афин, так и перспективам их экономического развития. Именно это, по мнению *В.В. Шувалова*, заставило афинян впервые задуматься о строительстве большого и сильного флота. Ведь только в этом случае афиняне могли надеяться вернуть себе контроль над проливами. Заключив заседание доклад *П.В. Ковалева* (Москва) «Были ли антипифагорейские восстания в Кротоне в конце VI – первой половине V в. до н.э. “крайне левыми” переворотами?». По мнению автора, несмотря на самооценку пифагорейцев как «правых» (по «Метафизике» Аристотеля), вряд ли возможно дать оценку режимам Килона (с 503–500 гг. до н.э.) и Клиния (с 454 г. до н.э.) как «левым» тираниям. Автор полагает, что Кротон так и не приобрел особого могущества на море, что доставило бы демократическим слоям полиса большее значение в его военной структуре. Противоречия с пифагорейцами носили скорее не мировоззренческий, а поколенческий (ставка пифагорейца Демоклада на эфебов) или территориально-гегемонный характер (Килон в канун мятежа был, согласно Ямвлиху, «экзархом сибаритов»). Еще один удар по пифагорейцам Кротона в середине V в. до н.э. хуже освещен в источниках, но судя по бегству пифагорейцев в Балканскую Грецию, Локры и Тарент, а не в иные ахейские полисы, новый режим был более радикальным.

Одновременно с секцией по древнегреческой истории начала также работу секция по истории Рима, на первом заседании которой (председатель – *М.В. Белкин*) были заслушаны пять докладов. *А.М. Сморгков* (Москва) в докладе «Сакральные стороны цензурской власти в эпоху Республики» рассмотрел важнейшую цензурскую обязанность сакрального характера – проведение церемонии *lustrum*, которой завершался ценз и которая придавала ему юридическую силу. О важном сакрально-политическом значении этой церемонии свидетельствует, по мнению *А.М. Сморгкова*, относящиеся к ней религиозные предписания и ограничения, часть которых возникла на основе прецедентов. Докладчик подчеркнул, что осуществление церемонии *lustrum*

обычно связывали с одним из цензоров, но в действительности оба цензора участвовали в обряде, исполняя взаимодействующие функции. Характер этого взаимодействия рассматривается в докладе на основе сведений о цензуре 142–141 годов до н.э., исполнявшейся П. Сципионом и Л. Муммием. Доклад *В.А. Квашина* (Вологда) «Об одном парадоксе римских законов о роскоши» был посвящен проблеме возникновения и развития римских законов о роскоши III–II вв. до н.э. Автор обращает внимание на наличие определенной связи между теорией «упадка нравов», разрабатывавшейся античными писателями указанного времени, и практикой применения законов о роскоши в Риме. По мнению автора, рассмотрение первых из таких законов позволяет проследить взаимодействие двух традиций, одну из которых несли с собой римляне, представлявшие племенной мир Центральной Италии, а другую представляли жители полисов Великой Греции. Появление законов о роскоши связано со сложным процессом наложения римских (а в более широкой перспективе, вероятно, общегреческих) социокультурных и соционормативных установок, плебейско-крестьянских в своей основе, на правовые и идеологические модели, принадлежавшие более развитой греческой (эллинистической) цивилизации. Появившиеся в результате сочетания целого комплекса причин политического, социального и экономического порядка в конце III в. до н.э. *leges sumptuariæ* могут рассматриваться в таком свете как один из результатов встречи двух цивилизаций. В докладе «К вопросу о характере политических группировок в Риме в эпоху поздней Республики» *А.Н. Токарев* (Харьков) указал, что в решении этого вопроса в современной историографии оформилось два направления: «традиционное» и «просопографическое». По мнению автора, «традиционное» направление является совершенно неприемлемым для описания политической борьбы в Риме, а все школы «просопографического» направления, в свою очередь, имеют принципиальные недостатки. Как подчеркнул А.Н. Токарев, говорить о существовании политических партий в Риме абсолютно неверно. В мирное время существовали слабо организованные аристократические котерии, не имевшие определяющего влияния на внутреннюю и внешнюю политику, во время же гражданских войн на политическую арену выходили особые политические организации (*partes*), которые имели свои специфические римские особенности, как, например, известную персонифицированность. Как бы то ни было, все эти политические группировки – аристократические котерии и названные *partes* – имели общую отличительную черту: у них не было своих «партийных идеологий».

Анар Нуру оглы Нураллаев (Санкт-Петербург) в докладе «К практике введения налога с наследства в древнем Риме» отметил, что целью учрежденного Августом обособленного от римской казны военного казначейства (*aerarium militare*) была выплата ветеранам римской армии вознаграждения, достаточного для приобретения земельного надела. Для его формирования были введены специальные налоги: однопроцентный налог с продаж и пятипроцентный налог с наследства и завещаний римских граждан, не распространявшийся на близких родственников умерших и малоимущих (*vicesima hereditatum*). Сопоставляя предположение Дж. Ломброзо о привнесении римлянами практики взимания налога с наследства (*ἡ ἄλاره*) из Египта и сохраненное традицией утверждение Августа о том, что Цезарь оставил записи о налоге с наследства, докладчик задается вопросом: был ли пятипроцентный налог самостоятельной разработкой Цезаря или он был заимствован им у египтян? По мнению докладчика, римская *vicesima hereditatum* был доработкой Цезаря египетской *ἡ ἄλاره* в рамках изыскания финансовых инструментов для решения ветеранского вопроса, что, собственно, и было одной из главных причин его многомесячного пребывания в Египте в 48–47 годах до н.э.

А.Б. Егоров (Санкт-Петербург) в докладе «Династизм и выборность в Римской империи I–III вв.» указал, что Римская империя имела уникальный опыт сочетания выборного и династического принципов. По мнению докладчика, уже при утверждении власти Августа можно увидеть все три составляющие этого процесса: воля предшественника, поддержка армии и решение сената и «суверенного народа». Но уже в период Юлиев-Клавдиев сложные династические отношения и поведение некоторых императоров (Калигула, Нерон) дискредитировали идею династии. Реакцией на этот процесс становится сформулированная еще Гальбой, а затем проводимая Антонинами идея «выбора лучшего». Впрочем, этот, казалось бы, идеальный компромисс между династическим и выборным принципами был нарушен сразу с двух сторон – как со стороны традиционного северовского династизма, так и со стороны соперничавших генералов, превративших в условиях кризиса 40–80-х годов III в. принцип «выбора лучшего» в «естественный отбор», проводимый армией. Таким образом, заключил А.Б. Егоров, в наследовании императорской власти практически сосуществовали, сменяя друг друга, три достаточно равноправных принципа: традиционного династизма, республиканской выборности и компромиссного права «выбора лучшего».

В этот же день на заседании секции по эллинизму (председатель – О.Ю. Климов) были прослушаны и обсуждены шесть докладов. Заседание началось выступлением *Г.С. Самохиной* (Санкт-Петербург) «К хронологии истории диадохов: историографический аспект», которое было посвящено существующей в современной исторической науке дискуссии по хронологии одного из периодов в истории диадохов (317–315 гг. до н.э.). Как было показано в докладе, бурное обсуждение в 70–90-е годы XX в. хронологических проблем велось на основании самых изощренных методов исследования как ранее известных источников, так и всех новых доступных для использования материалов, эпиграфических, нумизматических и документальных восточных. Хотя авторы проявили несомненное остроумие в аргументации своих мнений и выводов, тем не менее, по мнению Г.С. Самохиной, предпочтение должно быть отдано старым, традиционным датировкам. Итоговым выводом доклада стало утверждение, что на современном этапе возможности имеющихся источников исчерпаны и лишь появление новых материалов позволит решить имеющиеся проблемы. В докладе *К.Ю. Нефедова* (Харьков) «Культовый правитель и мировое господство в эпоху диадохов» была предпринята попытка выявить взаимосвязь между распространением в греческих полисах культов непосредственных преемников Александра Македонского и возникновением первых эллинистических монархий. Анализ конкретно-исторической ситуации, а также ритуала полисных культов позволил автору заключить, что богоравное почитание в полисах было важнейшим средством обожования и укрепления царских амбиций диадохов, а не просто спонтанной благодарностью иноземным правителям, как это принято считать в научной литературе. Внешне оформленный как чествование «спасителей и благодетелей» полисов культ правителей, по замечанию автора, являлся своего рода признанием со стороны эллинов имперских притязаний диадохов и был важнейшим средством легитимизации царской власти.

Ю.Н. Кузьмин (Самара) в докладе «Заметки о македонской аристократии эллинистической и римской эпох» ознакомил слушателей с результатами просопографических исследований, которые были им предприняты на примере двух аристократических семей из города Бероя в Македонии, именно семейств Балакров – Пантавхов и Гарпалов – Птолемеев, известных нам по эпиграфическим и литературным источникам. Первые, как отметил автор, разделили судьбу многих аристократических семей, которые были депортированы в Италию после ликвидации монархии Антигонидов. Вторая семья представляет единственный не только для Берои, но и для Македонии в целом пример знатного семейства, засвидетельствованного как в царское, так и в римское время. По мнению Ю.Н. Кузьмина особенно важно то, что эта семья сохранила значительное положение в общественной жизни своего города и после римского завоевания Македонии. *Ю.В. Нежинский* (Санкт-Петербург) в докладе «Египетская судебная система эпохи Птолемеев: дело Гермия» использовал весьма интересный юридический казус, связанный с отставанием права собственности на недвижимость. В докладе был показан механизм функционирования египетской правовой системы, включая необходимость регистрации права собственности в органах государственной власти. В докладе «Новые надписи о политике Селевкидов по отношению к греческим городам (III–II вв. до н.э.)» *А.Г. Грушевой* (Санкт-Петербург) в своих выводах опирался, прежде всего, на текст договора между царским должностным лицом и городом Эвромом, а также на декрет Эврома. Автор указал на то, что гражданская община была вынуждена по распоряжению царя произвести выборы некоторых магистратов с тем, чтобы они осуществляли попечение о городских укреплениях и выполняли ряд других царских поручений.

Тема доклада *М.М. Холода* (Санкт-Петербург) – «Синтаксис греческих полисов Малой Азии при Александре Македонском». Автор рассмотрел вопрос о денежном взносе (σύντοξίς), который выплачивали малоазийские греческие города Александру Великому, как это можно заключить из эдикта македонского царя Приене. Автор показал различия во взглядах специалистов по поводу содержания термина «синтаксис» и привел доказательства в пользу мнения, что синтаксис был регулярным союзным взносом, который должны были делать малоазийские греки на ведущуюся тогда под руководством Александра панэллинскую кампанию против Персии. Весьма вероятно, что синтаксис носил универсальный характер, хотя македонский царь, как кажется, мог иногда, крайне редко, заменять выплату синтаксиса греческими городами Малой Азии на поставку ими отрядов или кораблей. Кроме того, как показывает приенская надпись, Александр был способен и освобождать общины малоазийских греков от этой финансовой обязанности. Свидетельств о размере синтаксиса не существует, но он, как предполагает докладчик, едва ли был выше форося, который ранее платили греческие города Малой Азии персам. По всей вероятности, внесение синтаксиса было отменено в 330 г. до н.э., когда Александр, рас-

пустив союзные греческие войска в Экбатанах, официально закончил панэллинскую войну против Персидского государства.

На утреннем заседании 1 ноября продолжила свою работу секция по истории древней Греции. На втором заседании этой секции (председатель – О.В. Кулишова) было прослушано и обсуждено пять докладов, посвященных истории Греции в классическую эпоху. Первым был заслушан доклад *А.Б. Шарниной* (Санкт-Петербург) «Межполисные религиозные связи: феоры и феородоки». Автор отметила, что одной из известных форм связей между греческими полисами был обмен священными посольствами (феории) по поводу религиозных праздников. Постепенно сложились правила приема таких посольств и назначались особые лица – феородоки, которые должны были помогать феорам. Надписи говорят о том, что устанавливаемая подобным образом «дипломатическая сеть» охватывала почти весь эллинский мир. В докладе «Свидетельская пытка рабов в афинском народном суде» *Т.В. Кудрявцева* (Санкт-Петербург) напомнила, что в афинском народном суде свидетельские показания от раба принимались только, если они были получены под пыткой. При этом судебные ораторы охотно описывали процедуру допроса рабов под пыткой, хвалили эту меру как чрезвычайно эффективную, оценивали ее как верный способ выяснить истину. Автор указала, что в судебных речах неоднократно – 42 раза – встречаются призывы: «можешь пытать моих рабов» или «дай мне пытать твоих». Однако при этом 40 раз они были отвергнуты и лишь два раза приняты, но не осуществлены. Задаваясь вопросом: использовалась ли вообще данная негуманная и сомнительная процедура, Т.В. Кудрявцева обсудила целый ряд проблем, связанных со свидетельской пыткой рабов, в том числе и возможные объяснения, почему нам не известен ни один случай ее осуществления на деле. По ее мнению, наиболее вероятное объяснение тому – нежелание собственников рабов отдавать их на пытку, чтобы не было риска получить от них нежелательные показания.

О.Ю. Владимирская (Санкт-Петербург) в докладе «Мильтиад Младший – военачальник: Марафонская битва и Паросская экспедиция» на примере фигуры Мильтиада Младшего показала взаимодействие влиятельного аристократического политика с молодой афинской демократией в критический момент истории Греции. Автором был сделан вывод о необходимости существования в демократическом обществе баланса между лидером, действующим на благо государства, и демосом, доверяющим своему вождю. *О.М. Макарова* (Самара) прочитала доклад на тему «Культовые обязательства союзников в Афинской архэ по данным декрета об Эрифрах». По мнению автора, после переноса казны Первого афинского морского союза в 454 г. до н.э. на афинский акрополь эпиграфическими данными засвидетельствована первая в целом ряде других попытка Афин по вовлечению полисов-союзников в культовые действия в честь богини-покровительницы Афин. Положения декрета афинского народного собрания об Эрифрах (453/2 г. до н.э.) позволяли О.М. Макаровой считать действия Афин навязыванием союзному полису обязательств по участию в Панафинеином торжестве. Однако автор заключила, что данные мероприятия Афин не следует оценивать как безоговорочно целенаправленную обдуманную политику полиса-гегемона по отношению к союзникам. Доклад *Е.В. Никитюк* (Санкт-Петербург) «Примирительные соглашения 403–401 гг. до н.э. после свержения тирании Тридцати в Афинах» был построен на основе анализа свидетельств Ксенофонта в «Греческой истории», Андокида в речи «О мистериях» и Аристотеля в «Афинской политике». Автор обсудил три вопроса: 1) при заключении какого соглашения, первого в 403 г. или второго в 401/400 г., в текст была внесена формулировка клятвы «не припоминать зла»; 2) какому из соглашений принадлежат исключения из клятвы, сделанные для тиранов и их сподвижников; 3) было ли в действительности в 403 г. заключено одно всеобъемлющее соглашение или их было два.

Утром 1 ноября также продолжила свою работу секция по истории Рима (председатель – А.В. Коптев). На втором заседании этой секции вниманию слушателей было предложено семь докладов, посвященных проблемам, относящимся к различным периодам истории Рима. В докладе «Измена армии Луция Корнелия Сципиона в 83 г. до н.э. под Теаном» *А.В. Короленков* (Москва) напомнил, что в 83 г. до н.э. Сулла после победы на консулом Г. Норбаном предпочел не сражаться с его коллегой Сципионом, а переманить его армию на свою сторону. Докладчик заключил, что Сулла такими действиями «творчески развил» опыт переманивания армии Фимбрии под Тиатирами и не только лишил врага целой армии, но и значительно пополнил свою. В докладе были уточнены некоторые важные обстоятельства теанской «операции», тем более что часть сведений, передаваемых античными авторами, по мнению автора, восходит к крайне тенденциозным мемуарам самого Суллы и потому нуждается в серьезных комментариях. Тема доклада *И.С. Горбулич* (Санкт-Петербург) – «К оценке общественно-политической деятельности Гнея Помпея Страбона». Автор рассмотрела военную и политическую деятельность Гнея Помпея, отца знаменитого соперника Цезаря, как военачальника нового типа. Возникновение

этого нового типа военных лидеров, которые, опираясь на свои легионы, стремились к достижению единоличной власти, стало возможно, по мнению автора, в условиях ослабления принципов политического демократизма и профессионализации военной деятельности. Проблемам военно-политической истории Рима в позднереспубликанскую эпоху были посвящены также два следующих выступления – *Е.В. Смыкова* (Саратов) на тему «Пиратская война Помпея: проблема полномочий» и *М.В. Белкина* (Санкт-Петербург) на тему «Роль Цицерона в развязывании Мутинской войны». *А.В. Махлаюк* (Нижний Новгород) в докладе «Римский полководец на поле боя: прагматика и парадигматика военного лидерства» остановился на двух взаимосвязанных аспектах деятельности полководца: 1) комплекс действий, диктуемых и обусловленных объективно заданными обстоятельствами, характером и задачами боевых действий («прагматика»); и 2) действия полководца, которые носят знаково-символический характер и нацелены не столько на прямой «материальный» эффект, сколько на обеспечение морального духа войск в бою и на укрепление престижа самого военного лидера, прежде всего с помощью личного примера, демонстрируемого военачальником в бою («парадигматика»). Истоки и корни этого последнего феномена, по мнению докладчика, следует искать в аристократическом характере римской *civitas*, в элите которой культивировался особый этос, а также в римском понимании сущности военного лидерства, всегда сохранявшем корневое, изначальное содержание понятия *virtus* как собственно воинской, боевой доблести.

В докладе «*Rex sacrorum* и царская власть в раннем Риме» *А.В. Контев* (Хельсинки) рассмотрел имеющиеся в современной литературе трактовки понятия *rex sacrorum*. Согласно античной традиции, эта должность была создана в начале республиканской эпохи с целью обеспечить исполнение *sacra publica*, которые прежде находились в ведении царя. Ф. Коарелли связал эту концепцию с эволюцией комплекса зданий, исследованных археологами на *Forum Romanum*, представлявших собою дворец, в котором была резиденция царя и связанные с ней центры домашних культов царской семьи. Около 500 г. до н.э. в связи с ликвидацией древней монархии в Риме дворцовый комплекс был перестроен и разделен на части, ставшие центрами государственных культов – храмы Весты, Ларов, Пенатов, скринии Марса и *Ops Consivia* в «новой» (уменьшенной) Регии. Небольшая часть прежнего комплекса стала резиденцией *rex sacrorum*, и в ней позднее поселился Великий понтифик. Археологическую датировку первой постройки Регии около 625 г. до н.э. ряд исследователей связывает с изменением характера царской власти, так что последние цари Рима трактуются либо в качестве своего рода тиранов, захвативших власть благодаря военной силе и личной харизме, либо в качестве пожизненных магистратов с титулом *magister populi*. Рядом с таким царем *rex sacrorum* мог быть как особым жрецом, который выполнял функции помощника римского царя в делах отправления культа, так и прежним латинским царем, отстраненным от реальной власти, полномочия которого были ограничены выполнением древних календарных обрядов. Тема доклада *С.Ю. Завельской* (Санкт-Петербург) – «Отражение эпохи Августа в творчестве Вергилия». Автор отметила, что принципат Августа стал переломным моментом в римской истории и, естественно, все происходившее в обществе процессы нашли отражение в литературе. С.Ю. Завельская подчеркнула, что политику Августа в области культуры принято считать реставрационной, идеологически направленной, однако, по ее мнению, отсюда вытекает неверная односторонняя оценка творчества поэтов этой эпохи. Автор и попыталась ее пересмотреть.

Во второй половине дня 1 ноября состоялось третье заседание секции по истории древней Греции (председатель – Л.А. Пальцева). Вниманию слушателей были предложены три доклада. *В.В. Антонов* (Нижний Новгород) в докладе «Родос между Спартой и Афинами на рубеже V–IV вв. до н.э.» указал, что Родос в этот период, как и большая часть других греческих полисов, оказался заложником афино-спартанского противостояния. Пелопоннесская война и общая нестабильная ситуация в Эгее стали катализатором серии государственных переворотов на Родосе. Автор предпринял попытку показать, что географическое положение и обусловленные им экономические интересы заставляли родосцев склоняться скорее на сторону Афин, и в этих условиях даже представителям аристократической группировки приходилось преодолевать свои симпатии к Лакедемону. Следующие два доклада были посвящены истории античного Причерноморья. *Е.В. Четвертаков* (Нижний Новгород) в докладе «Этнический состав Китая в контексте данных иранской ономастики» отметил, что ономастический материал античного Китая насчитывает менее двух десятков опубликованных личных имен, большинство из которых являются греческими. Иранский же круг представлен в Китае двумя именами, которые связаны, по мнению автора, именно с проживавшим в Китае варварским населением, а не с какой-то традицией в присвоении имен, в пользу чего говорят варварские черты в погребальном обряде жителей Китая, а также некоторые особенности в местных религиозных представлениях.

Доклад *Н.К. Жижиной* (Санкт-Петербург) «Гипсовые украшения деревянных саркофагов Боспора – провинциальные реминисценции идейной и художественной традиции метрополии» был посвящен группе хранящихся в Эрмитаже гипсовых накладок на деревянные саркофаги, изображающих персонажей мифа о Ниобе (так называемые «Боспорские Ниобиды»). *Н.К. Жижина* проследила связь этой группы памятников с рельефными изображениями мраморных саркофагов, хранящихся в музеях Европы.

На дневном заседании 1 ноября завершила работу секция по истории Рима (председатель – *А.В. Махлаюк*). На третьем заседании этой секции было заслушано пять докладов. Программу заседания открыл доклад *К.В. Маркова* (Нижний Новгород) «К вопросу об интерпретации “речи Агриппы”» (*Dio Cass. LH. 1–13*). Автор отметил, что речи Агриппы и Мецената (кн. LH) завершают рассказ Диона о республиканском периоде римской истории и предваряют повествование о принцептате Августа. По мнению *К.В. Маркова*, они представляют собой дискуссию о целесообразности установления единовластия в Риме, дискуссию, которая, согласно Диону, состоялась в 29 г. до н.э. В то время как большинство исследователей трактует речь Мецената как политическую программу самого Диона, значение речи Агриппы четко не определено. По мнению автора, в речи представлен целый комплекс идей, характерный для ряда рассуждений Диона от первого лица и речей других персонажей Августовского века. Очевидно, в ней отразились представления самого Диона о слабых и сильных сторонах как народовластия, так и единовластия. *Л.П. Кучеренко* (Сыктывкар) в докладе «Аппий Клавдий Цек в контексте римской политической культуры» сделал вывод о том, что в личности Аппия Клавдия Цека и его деятельности нашли яркое отражение такие составляющие римской политической культуры, как *mos maiorum* римлян, нравственные основы политической деятельности магистратов, коллективная историческая память, традиции речевой культуры. Важному аспекту формирования политической системы принцептата был посвящен доклад *П.А. Рузина* (Нижний Новгород) «Вольноотпущенники в системе бюрократического аппарата Клавдия». Автором была затронута проблема структуризации дворцового бюрократического аппарата в годы принцептата Клавдия, рассмотрены причины повышения влияния вольноотпущенников и негативной оценки их деятельности античной традицией.

Последующая история принцептата нашла отражение в докладе *Ю.Б. Циркина* (Санкт-Петербург – Великий Новгород) «Последствия гражданской войны 68–69 гг. для развития системы принцептата». Автор отметил, что со смертью Нерона перестал существовать дом Августа и встал вопрос об обосновании передачи власти и императорской *auctoritas* лицу, к этому дому не принадлежавшему. Для решения этой проблемы Гальба выдвинул новый принцип занятия трона – не наследственность, а достоинство претендента. Вторым шагом на пути к новому порядку стал так называемый закон об империи Веспасиана. Это был не сенатусконсульт, а закон, принятый комициями, что было обусловлено и незнатностью Веспасиана, и политической ситуацией декабря 69 г. Не предоставляя Веспасиану никаких новых полномочий, закон создавал конституционную основу новой власти, *auctoritas* окончательно отделялась от конкретной фамилии и передавалась должности. В заключение *Ю.Б. Циркин* подчеркнул, что в правовом отношении закон открывал новый этап развития императорской власти и что именно гражданская война 68–69 гг. стала рубежом, разделившим ранний и поздний принцептат. Доклад *И.Е. Ермолаевой* (Москва) «Экономический аспект взаимоотношений позднеримской империи с внешними народами» был посвящен анализу данных письменных источников о хозяйственном обмене римлян с другими народами, включающем не только торговлю различными товарами, но и работу римских мастеров за границами империи. Особое внимание в докладе было уделено позднеримскому законодательству, направленному на регулирование экономических отношений с варварами.

Утром 2 ноября на заседании секции «Античная религия и мифология. Христианство» (председатель – *А.Б. Егоров*) выступило шесть докладчиков. В докладе *А.А. Савинова* (Саратов) «Ион и Афина: трансформация легенды» были подробно рассмотрены миф об Ионе, легендарном прародителе ионийцев, а также связи этого мифа с богиней Афиной и постепенная трансформация предания от древнейших времен до появления драмы Еврипида. В частности, автор рассмотрел вопрос о происхождении Иона: согласно более древней традиции, отцом героя был муж афинской царицы Креусы Ксиф, тогда как более поздняя традиция сделала его сыном Аполлона. *М.Н. Химин* (Санкт-Петербург) в докладе «Культе Доброго Демона в Александрии» обратился к анализу очень своеобразного культа, игравшего существенную роль в религиозной жизни Александрии Египетской. Автор попытался проследить связь между этим, достаточно близким к народу, культом и культом Александра Македонского, который почитался одновременно как знаменитый правитель и полководец и как ойкист-основатель города. Именно в этом последнем качестве культ Александра очень тесно смыкается с почитанием Доброго Демона.

Однако, по мнению докладчика, явным преувеличением было бы отождествлять эти два культа, как это делают некоторые исследователи. Речь в данном случае должна идти именно о близости, а не о единстве. Большой интерес вызвал доклад *А.Н. Грешных* (Москва) «Культовые эпитеты Януса как источник о древнейшем круге представлений о божестве». Анализируя культовые имена этого, являвшегося одним из главных римских божеств и имевшего множество ипостасей, бога (автор доклада насчитывает 12 таких имен), А.Н. Грешных пришел к выводу, что все они принадлежали главным образом к самым ранним периодам римской истории и отражали его функции создателя жизни, прародителя, бога-демиурга и бога начала и конца. В его честь был назван первый месяц, январь, ему также посвящались первый день каждого месяца и начало дня. Затем автор обратилась также к анализу более поздних ипостасей бога Януса.

Следующие три доклада были посвящены проблемам, связанным с историей античного христианства. В докладе *А.Л. Гриня* (Одесса) «Псевдо-исторические документы последних десятилетий и вопросы раннего христианства» была поставлена весьма злободневная тема отношения к историографической традиции. Автор отметил, что зачастую современная публицистика пытается использовать для подкрепления своих псевдоисторических выводов ссылки на несуществующие аргументы выдающихся антиковедов прошлого, таких, как С.А. Жебёлев, В.П. Бузескул, И.В. Нетушил. А.Л. Гриня привел примеры подобного, с позволения сказать, использования работ С.А. Жебелёва как в атеистической пропаганде 40–50-х годов. XX в., так и в публицистике современного периода. Доклад *А.С. Волчкова* (Санкт-Петербург) «Христианская община в мире профессиональных и религиозных союзов I–II вв.» был посвящен сопоставлению античных сообществ различного рода и микроструктур христианской церкви, а также определению места, которое занимали эти последние в общей системе микросообществ античного мира. Автор попытался сопоставить христианские ектлесии с такими объединениями, как греческие религиозные сообщества-фиасы, римские коллегии и античные философско-религиозные школы, а также провести параллели и обозначить различия между христианскими организациями и иудейскими синагогами. *А.Д. Пантелеев* (Санкт-Петербург) в докладе «Страница истории полемики христиан и язычников II в.: дискуссия вокруг “чуда Молниеносного легиона”» обратился к легенде о чудесном спасении войска Марка Аврелия во время Маркоманской войны, а также к вопросу о том, как она могла восприниматься языческой аудиторией. Утверждение части сохранившихся источников о том, что сам Марк вызвал дождь и молнии, по мнению А.Д. Пантелеева, должно было быть примером создания легенды об одном из немногих чудес, сотворенных лично римским императором. Это мифотворчество, с одной стороны, уже выходит за рамки обычных римских представлений о божественности принцепса, а с другой – продолжает долгую традицию преданий о чудесах, связанных с громом и молнией, которые занимали видное место в представлениях сначала этрусков, а затем и римлян. Условно вероятно, как отмечает автор, что рассказ об этом событии, который активно использовался римской пропагандой, должен был поддержать авторитет Марка Аврелия, пошатнувшийся из-за тяжелых войн с варварами и эпидемии чумы. Когда же к этому сюжету обращаются христиане, то они тем самым демонстрируют не только свою лояльность Риму, но и то, что спокойствие государства и судьба императора находятся в руках их Бога, а не языческих богов.

Работа конференции завершилась состоявшимся 2 ноября в 15 часов вторым пленарным заседанием, на котором было прослушано шесть докладов. Открыл программу заседания доклад *С.М. Жестоканова* (Санкт-Петербург) «Переворот Гигеса», посвященный анализу античной традиции об утверждении в Лидии династии Мермнадов. *В.М. Строгоцкий* (Нижний Новгород) в докладе «Народное собрание в древнегреческом полисе: ширма, символ или фундамент демократического устройства» рассмотрел роль народного собрания как центра, аккумулировавшего и распространявшего поступающую в город информацию. На основании сравнительного анализа данных источников автор выявил особенности и различия в функционировании народного собрания в демократических и олигархических полисах, а также в Македонии. В докладе «Политический кризис в Риме в начале I в. до н.э.: консулат Гая Мария» *Н.В. Чеканова* (Ярославль) подчеркнула, что история перехода Рима от Республики к Империи являет собой много-различный процесс, в котором можно выделить по крайней мере три направления: 1) попытка сохранить Республику в неизменном (точнее, существовавшем во второй половине II в. до н.э.) виде; 2) попытка трансформировать Республику в условиях реально формирующейся Империи на основе республиканских принципов; 3) попытка трансформировать Республику на основе принципиально новых, имперских начал. Целью доклада было показать, какое место в этом сложном процессе занимал пролонгированный консулат Гая Мария. *Д.А. Щеглов* (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад «Посидоний о сухости запада и влажности востока» анализу фрагмента 223 Edelstein-Kidd, где, согласно традиционной интерпретации, Посидоний постули-

рует некий универсальный закон, в силу которого западные страны засушливее восточных. Автор предлагает иную интерпретацию этого текста, которая позволяет дать более простое и ясное толкование мысли Посидония. Тема доклада *А.К. Нефедкина* (Санкт-Петербург) – «*Bibliotheca sarissia* в современной научной литературе». Автор заметил, что никакое другое оружие античности не подвергалось столь интенсивному рассмотрению специалистов, как македонская сарисса. В период с 1970 г., когда греческий археолог М. Андроникос опубликовал найденные в 1959 г. детали копий, которые он посчитал остатками македонской сариссы, до 2001 г. западными учеными было опубликовано более 15 статей, специально посвященных сариссе. В этих работах разбираются проблемы реконструкции этого вида оружия (в частности, длины копья), а также использования македонскими войсками специальных подвидов пехотной и кавалерийской сариссы. В заключение докладчик признал, что, несмотря на столь интенсивное изучение, основные проблемы конструкции и использования македонской сариссы все еще не решены.

Закрывая работу конференции, ее итоги подвел *Э.Д. Фролов*. Отметив многочисленность специалистов, принявших участие в «Девятых Жебелёвских чтениях», широкий диапазон прочитанных докладов и оживленность их обсуждения, равно как несомненную пользу и неформального общения участников, он выразил уверенность в успешном продолжении сложившейся традиции этих петербургских встреч.

О.В. Кулишова, Э.Д. Фролов

© 2008 г.

АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ (Казань, 5–7 октября 2006 г.)

5–7 октября 2006 г. в Казанском государственном университете им. Н.И. Лобачевского при финансовой поддержке РГНФ прошла Всероссийская научная конференция «Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики». Она была посвящена сорокалетию юбилею научного кружка «Античный понедельник», работающего на кафедре истории древнего мира и средних веков КГУ, и пятилетию Российского общества интеллектуальной истории. В работе конференции приняло участие около 120 исследователей из 28 городов России. Сборник тезисов выступлений был опубликован в Институте всеобщей истории РАН к началу конференции¹.

На пленарном заседании 5 октября декан исторического факультета КГУ, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков *Е.А. Чиглинец* во вступительном слове (а затем и в докладе «40 лет “Античному понедельнику”: путь исканий и обретений») подчеркнул, что родившийся как научный студенческий кружок в 1966 г. под руководством проф. А.С. Шофмана «Античный понедельник» давно уже стал настоящим научным семинаром, в еженедельных заседаниях которого принимают участие исследователи разных поколений и разного уровня подготовки – от студента до профессора. Эта своеобразная форма научной коммуникации позволяет в какой-то степени преодолеть традиционный индивидуализм исследовательской деятельности историка, совместить процесс научного познания с обучением младшего поколения силами коллектива единомышленников, как это характерно для оформившейся научной школы. О ее признании в профессиональном сообществе говорит не только число подготовленных и защищенных участниками «Понедельника» кандидатских и докторских диссертаций (более 60 и свыше 10 соответственно), но и то представительство, которое наблюдается на каждой из юбилейных конференций, традиционно проводимых раз в пять лет.

Доклады по античной тематике были объединены в самую многочисленную секцию из семи работавших на конференции и представлялись по традиционному проблемно-хронологическому принципу на вечернем заседании 5 октября и на утреннем и вечернем заседаниях 6 октября. В соответствии с проблематикой конференции обсуждение антиковедческих докладов происхо-

¹ Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы научной конференции / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2006.